Ж. Сапир[1]

КАК БРИКС (И БРИКС+) МОГУТ ОТВЕТИТЬ НА ТРЕБОВАНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНСТИТУТОВ И КАКОВЫ МОГУТ БЫТЬ ПОСЛЕДСТВИЯ?

Почти 15 лет назад, 16 июня 2009 года, в Екатеринбурге состоялся первый официальный саммит группы БРИК. На этом саммите присутствовали Луис Инасиу Лула да Силва от Бразилии, Дмитрий Медведев от России, Манмохан Сингх от Индии и Ху Цзиньтао от Китая. Мало кто понимал, что это событие станет поворотным в истории. В центре внимания саммита было улучшение глобального экономического управления[2], реформирование финансовых учреждений. В самом разгаре была глобальная финансовая катастрофа и «кризис субстандартного кредитования», и мы стремились улучшить процесс сотрудничества между четырьмя странами.

16-й саммит пройдет в октябре этого года в России. Соберутся десять участников и ряд кандидатов. Это доказательство того, что объединение БРИК, ставшее в 2011 году БРИКС, а с 1 января этого года БРИКС+, стало крупным игроком в мировой экономике. Но это коллективный игрок, собирающий вокруг себя большое количество стран, которых объединяет недовольством тем, как управляются международные институты еще со времен Бреттон-Вудса и холодной войны.

[1] Профессор экономики Высшей школы социальных наук (Париж, Франция), директор Центра исследований индустриализации CEMI-EHESS, визит-профессор кафедры общей экономической теории Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, иностранный член РАН, доктор экономических наук. Автор большого числа научных публикаций, в т. ч.: «Экономические изменения в СССР в 1941–1985 гг.», «Работа и рабочие в СССР», «К экономической теории неоднородных систем — опыт исследования децентрализованной экономики», «Российская трансформация — 20 лет спустя» (в соавт.), «Суверенитет, демократия, светское государство», «Эффективность интеграционных процессов: инновационный метод оценки», «Взаимосвязь монетарной политики и экономического развития в современной Европе: проблемы и возможные решения», «Стало ли создание зоны евро онкологическим заболеванием для Европейского союза?» и др. Член редакционной коллегии журнала «Экономика промышленности» (Москва). Научный советник ряда организаций и программ (Европейская комиссия, TACIS, PHARE и др.).

[2] *Petropoulos S.* The emergence of the BRICS — Implications for global governance // Journal of International and Global Studies. 2013. № 4 (2). P. 37–51.

Может ли БРИКС+ ответить на эти требования и выработать улучшенный или даже совершенно новый свод правил? И, что еще важнее, как международные институты могут быть и будут изменены под влиянием или в силу прямого воздействия БРИКС+?

Усиление влияния БРИКС

Прошло два десятилетия с тех пор, как аббревиатура БРИК — Бразилия, Россия, Индия, Китай — была введена в употребление Джимом О'Нилом, экономистом из Goldman Sachs. В своей статье, озаглавленной «Построение более эффективной глобальной экономики БРИК»[1], он проанализировал впечатляющий экономический рост, который предстояло пережить этой группе стран, а также последствия этих тенденций для международных экономических отношений. Встреча 2009 года фактически стала завершением процесса, начавшегося в 2006 году одновременно с Генеральной Ассамблеей ООН. В течение тех трех судьбоносных лет мир столкнулся с серьезным финансовым кризисом, с которым не могли справиться и который даже не могли контролировать ни США, ни МВФ[2]. Оглядываясь назад, мы видим, что это вызвало желание четырех стран предпринять попытку организации более совершенной системы управления[3]. В 2011 году Южная Африка присоединилась к этой группе стран в качестве экономического лидера на Глобальном Юге, развивающейся экономики и молодой демократии, что превратило БРИК в БРИКС, где буква «С» теперь обозначает нового участника.

С учетом этого на долю стран БРИКС приходится 26 % мировой территории, а мировой ВВП по ППС вырос с 25,6 % в 2009 году до 32,2 % к концу 2023-го.

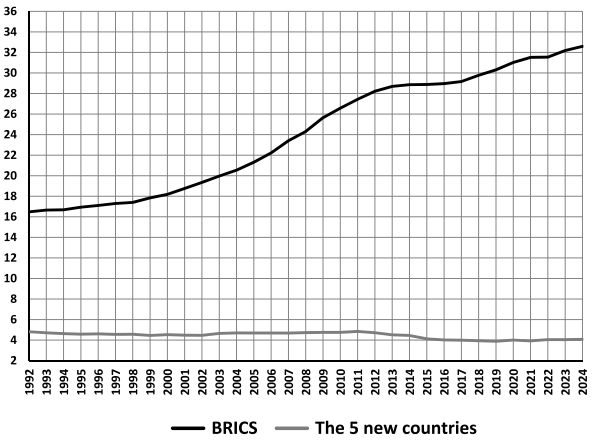

Рис. 1. Доля стран БРИКС в мировом ВВП (ППС) и пяти новых стран, присоединившихся с 1 января 2024 г.

Источник: МВФ.

Скептики и осторожные энтузиасты по-разному описывали БРИКС — как своего рода «свободное объединение», «потемкинскую деревню»[4] или «клуб совпадений»[5], однако влияние этой группы стран значительно выросло. Очевидно, что это страны с общими экономическими целями и схожими идеями относительно типа многосторонности и сдвигов в глобальной политике и экономике, которые потребуются для их достижения. Именно эти основополагающие экономические устремления послужили активизации движения потоков капитала внутри стран БРИКС и между ними в условиях вакуума финансового менеджмента в мире после финансового кризиса. Фактически БРИКС расширялся, привлекая все больше стран. В 2023 году на XV саммите организация решила принять в свой состав 6 новых участников. Даже несмотря на то, что только пять из них приняли предложение (Аргентина отклонила его по политическим причинам), к 1 января 2024 года БРИКС превратился в БРИКС+ с общим ВВП по ППС 36,2 % мирового. Объединение БРИКС стало равным «Большой семерке», а БРИКС+ сократило разрыв с коллективным Западом (рис. 2).

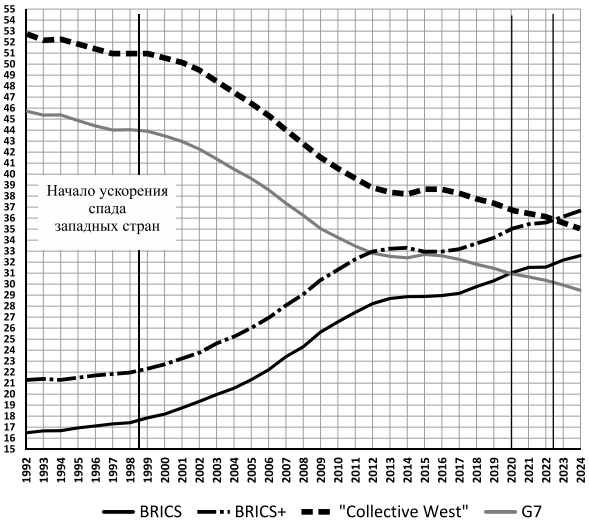

Рис. 2. Доли БРИКС, БРИКС+ и стран «Большой семерки» и коллективного Запада в мировом ВВП (по ППС)

Источник: МВФ.

В последующий период стало ясно, что «глобализация» пребывает в глубоком кризисе[6]. БРИКС стал амбициозным блоком со своей внутренней динамикой: организация проводила ежегодные саммиты, демонстрировала дипломатические успехи, брала на себя обязательства по крупномасштабным инфраструктурным проектам в своих национальных границах, а также

[1] *O'Neill J.* Building better global economic BRICs // Global Economics Paper Series. 2001. № 66. URL: https://www.goldmansachs.com/insights/archive/building-better.html.

[2] *Sapir J.* From Financial Crisis to Turning Point. How the US 'Subprime Crisis' turned into a worldwide One and Will Change the World Economy // Internationale Politik und Gesellschaft. 2009. № 1. P. 27–44.

[3] *Nayyar D.* BRICS, developing countries and global governance // Third World Quarterly. 2016. № 37 (4). P. 575–591.

[4] *Pomeranz W.* Why Russia needs the BIRCS // Global Public Square. 2013. URL: https://globalpublicsquare.blogs.cnn.com/2013/09/03/why-russia-needs-the-brics.

[5] *Saran S.* India's contemporary plurilaterlaism // The Oxford Handbook of Indian Foreign Policy / eds D. E. Malone, C. R. Mohan, S. Raghavan. Oxford : Oxford Univ. Press, 2015.

[6] Crisis of Globalization: The new context and challenges for national economies // Contemporary Global Challenges and National Interests : The 15th International Likhachov Scientific Conference / ed. A. S. Zapesotsky. Saint-Petersburg : SPbUHSS, 2015. P. 142–145.

транснациональным проектам в своих регионах. Она продемонстрировала свою экономическую мощь, создав новое кредитное учреждение — Новый банк развития, в котором приняли участие страны, еще не входящие в БРИКС[1], — и бросив вызов гегемонии стран Европы и Северной Америки в сфере международных финансов. В 2017 году, почти через десять лет после финансового кризиса 2008 года, на долю стран БРИКС пришлось 19 % мирового притока инвестиций[2]. Большая часть этих финансовых потоков была направлена на капиталоемкие инфраструктурные проекты.

Однако начиная с 1990-х годов эти страны претерпевали драматические изменения в своей политико-экономической структуре. «Общим знаменателем» разнородного опыта экономического развития этих стран в их движении к лидерству в данной области было то, насколько активно государство осуществляло политическое вмешательство для мобилизации ресурсов, определения торговой политики, государственных закупок, стимулирования общественного спроса и предоставления финансовой поддержки[3]. В разных странах БРИКС роль государства в развитии принимала различные формы.

Является ли БРИКС+ на самом деле силой, которая может противостоять доминированию Запада в глобальном управлении?

Появление БРИКС как силы, альтернативной Западу, вызвало среди участников международных экономических отношений дискуссию о природе усиления влияния группы в глобальном управлении. Нет сомнений в том, что данный процесс начался в период 2011–2021 годов[4] и усилился сначала из-за кризиса COVID-19, а затем геополитических событий, произошедших в феврале 2022 года. Однако этому кризису предшествовали определенные проблемы, которые и породили его[5].

Место БРИКС в глобальном управлении послужило толчком к инициированию двух важных групп исследований. В одном из них обсуждается роль БРИКС в преобразовании мирового порядка[6] и утверждается, что благодаря взаимодействию члены БРИКС создали слои коллективной идентичности как развивающиеся державы[7], а также исследуется, как эта идентичность влияет на роль БРИКС в глобальном управлении[8]. Важным моментом является понимание того, почему создание «Большой двадцатки» не помешало развитию БРИКС[9]. В этой группе исследований можно обнаружить, что страны БРИКС сейчас действуют на международном уровне в рамках системы, основанной на правилах, то есть системы глобального управления, при этом государства стремятся достичь согласованности действий посредством общего понимания свода правил — понимания, которое не обязательно разделяется западными странами[10]. Вместо того чтобы концентрироваться на том, какие государства являются доминирующими в международной иерархии, или на международной динамике, которая стимулирует рост влияния отдельных стран, эта группа исследований основное внимание уделяет тому, как страны БРИКС постепенно меняют правила и нормы системы[11]. Большая часть публикаций посвящена тому, как усиление влияния БРИКС бросает вызов доминирующей западной концепции международных организаций.

Но есть и вторая группа ученых, которая исследовала роль стран БРИКС в глобальном управлении. Обычно они рассматривают их восхождение как прямой вызов нынешнему международному порядку. Эта группа фокусирует внимание на внутренних источниках, обусловливающих предпочтения стран БРИКС в отношении глобального управления, что позволяет оценить неоднородность и различия между ними. Очевидно, что страны БРИКС продвигают свои общие интересы, такие как усиление возможностей диктовать свои условия на многостороннем уровне или обеспечение доступа к международным рынкам[12]. Однако особенно важно то, что они продвигают концепцию многополярного мирового порядка и могли бы добиться его, если принять во внимание их экономический вес[13], а затем начать противостояние и, прямо или косвенно, противодействовать попыткам правительства США и коллективного Запада устанавливать правила и определять, каким должно быть глобальное управление[14]. Если мы согласны с этой группой ученых, то должны подчеркнуть автономию каждой страны БРИКС в разработке

[1] New Development Bank (NDB). NDB admits Egypt as new member : Press Release on 29th December 2021. URL: https://www.ndb.int/press_release/ndb-admits-egypt-as-new-member.

[2] *Garcia A., Bond P.* Amplifying the contradictions: The centrifugal BRICS // Social Register. 2019. № 55. P. 223–246.

[3] *Santiago F.* The role of industrial policies in the BRICS economic integration process // Inclusive and Sustainable Development Working Paper Series. 2020. № 1. UNIDO, Research, Statistics and Industrial Policy Branch. URL: https://www.unido.org/api/opentext/documents/download/16531301/unido-file-16531301.

[4] *Sapir J.* La Démondialisation (new publishing, in an updated format). P. : Le Seuil, 2021.

[5] *Sapir J.* Fin d'un cycle de mondialisation et nouveaux enjeux économiques // La Revue Internationale et Stratégique. 2008. № 72 (Hiver 2008/09). P. 92–107.

[6] *Van Noort C.* The Construction of Power in the Strategic Narratives of the BRICS // Global Society. 2019 № 33 (4). P. 462–478.

[7] *Larionova M., Shelepov A.* BRICS, G20 and Global Economic Governance Reform // International Political Science Review. 2021. Vol. 43 (4). URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/01925121211048297#bibr24-01925121211048297 ; *Thakur R.* How Representative are BRICS? // Third World Quarterly. 2014. № 35 (10). P. 1791–1808.

[8] *Mielniczuk F.* BRICS in the Contemporary World: Changing identities, converging interests // Third World Quarterly. 2013. № 34 (6). P. 1075–1090.

[9] *Schirm S. A.* Global Politics are Domestic Politics: A societal approach to divergence in the G20 // Review of International Studies. 2013. № 39 (3). P. 685–706.

[10] *Luckhurst J.* The Shifting Global Economic Architecture. Decentralizing Authority in Contemporary Global Governance. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2018.

[11] *Kirton J.* Explaining the BRICS Summit Solid, Strengthening Success // International Organisations Research Journal. 2015. № 10 (2). P. 1–29.

[12] *Hopewell K.* The BRICS — Merely a Fable? Emerging power alliances in global trade governance // International Affairs. 2017. № 93 (6). P. 1377–1396.

[13] *Noelke A., Brink T., Claar S., May C.* Domestic Structures, Foreign Economic Policies and Global Economic Order: Implications from the rise of large emerging economies // European Journal of International Relations. 2015. № 21 (3). P. 1–30 ; *Stephen M.* Rising Powers, Global Capitalism and Liberal Global Governance: A historical materialist account of the BRICs challenge // European Journal of International Relations. 2014. № 20 (4). P. 912–938.

[14] *Lavenex S., Krizic I., Serrano O.* EU and US Regulatory Power Under Strain? Emerging countries and the limits of external governance // European Foreign Affairs Review. 2017. № 22. P. 1–17 ; *Stephen M.* Emerging Powers and Emerging Trends in Global Governance // Global Governance. 2017. № 23 (3). P. 483–502.

коалиционного поведения и последовательной стратегии[1]. Однако подход к БРИКС, основанный на предпочтениях разных стран, не в полной мере обеспечивает понимание БРИКС как группы, если ограничиваться формальными рамками, предлагаемыми членством. И тогда логично возникает вопрос об измерении размера полномочий международных организаций, будь то стран Запада или БРИКС[2]. И все же реальная способность БРИКС изменять международные институты остается под вопросом[3].

Недовольство нынешними международными институтами совершенно очевидно[4]. Даже Всемирный банк подвергается критике[5]. Смещение в сторону интересов Запада в Бреттон-Вудских учреждениях по-прежнему очевидно и вызывает неприятие стран Глобального Юга[6]. Долгая история плохо продуманных интервенций и деструктивных условий с конца 1970-х по 2000-е годы слишком очевидна в странах глобального Юга, чтобы позволить им безоговорочно согласиться с доминированием этих институтов. Даже некоторые региональные институты, такие как Межамериканский банк развития[7], из-за влияния на них США вызывают подозрение у развивающихся стран.

Очевидно, что во главу угла ставится замена Вашингтонского[8] и пост-Вашингтонского консенсуса в том, что касается развивающихся стран.

Каковы будут результаты работы БРИКС?

В конце концов первая группа упоминаемых здесь ученых слишком много внимания уделяет самой «игре» и не принимает во внимание возможность радикальных перемен из-за коллективных действий БРИКС. В то же время вторая группа, вероятно, слишком большое внимание уделяет позициям государств в игре и тем областям игры, где они нарастили свое влияние. Однако представление о будущей картине мира явно не складывается. Фактически концепция «изменения игры» не рассматривалась ни одной из групп.

Поэтому в аналитических материалах обнаруживается большой пробел. Если БРИКС действительно бросит вызов доминирующим правилам и нормам в международных организациях и мы наблюдаем движение в этом направлении, это должно привести к фундаментальному изменению правил и норм, лежащих в основе игры. Может ли это изменение быть принято коллективным Западом — это уже другой вопрос, и очень важный, поэтому его надо обсуждать. Все еще неясно, сможет ли БРИКС, а теперь и БРИКС+ склонить на свою сторону достаточное количество стран, чтобы у Запада не осталось другого выбора, кроме как согласиться с этими изменениями.

Если страны БРИКС пытаются изменить саму игру, то БРИКС как группа глобального управления должна бороться за культурную гегемонию в этих вопросах. Им также следует внедрять понятные инновации — либо путем реструктуризации правил и норм существующих международных организаций, либо создавая новые объединения, чьи правила и нормы будут отражать общие интересы стран БРИКС. Чтобы заполнить этот пробел в исследованиях, необходим новый подход к структурной власти.

Можно задаться вопросом, останется ли БРИКС защищенным пространством, где сможет безопасно вырасти новая доминирующая страна.

Совершенно очевидно, что обеспечение регионального лидерства и повышение глобального авторитета являются важнейшими сторонами усиления влияния БРИКС. Однако в развитии БРИКС также может возникнуть императив взаимной осторожности. БРИКС можно рассматривать как группу, которая не позволяет какой-либо из стран-участниц стать доминирующей[9]. И это вполне понятно. Странам, недовольным единоличным доминированием США, следует опасаться замены их правил правилами другого государства. С определенной долей уверенности мы можем сказать, что БРИКС потенциально является «голлистской» организацией по своим подходам, поскольку страны БРИКС противостоят «гегемонии» одной страны, как при генерале де Голле в 1960-х годах. Но то, что раньше было проектом единственной страны — Франции, переходящей из статуса «великой» в статус средней державы, теперь достигается альянсом стран.

Придем ли мы к тому, что набор глобальных институтов эволюционирует от западного доминирования к более сбалансированной системе, где страны Глобального Юга смогут добиться признания своих голосов и интересов, или к полной замене западного набора институтов новым, происходящим от БРИКС, или получим два набора неглобальных институтов с радикальным разделением на два блока?[10]

---

[1] *Yang Xiao A.* Theorizing the BRICS / ed. Xing Lin // The International Political Economy of the BRICS. Abingdon : Routledge, 2019. P. 37–56.

[2] *Heldt E., Schmidtke H.* Measuring the Empowerment of International Organizations: The evolution of financial and staff capabilities // Global Policy. 2017. № 8. P. 51–61.

[3] *Hooijmaaijers B.* China, the BRICS, and the Limitations of Reshaping Global Economic Governance // Pacific Review. 2019. № 34 (1). P. 29–55.

[4] *Harrigan J., Wang C., El-Said H.* The Economic and Political Determinants of IMF and World Bank Lending in the Middle East and North Africa // World Development. 2006. № 34 (2). P. 247–270.

[5] *Humphrey C.* The Politics of Loan Pricing in Multilateral Development Banks // Review of International Political Economy. 2014. № 21 (3). P. 611–639.

[6] *Humphrey C.* Developmental Revolution or Bretton Woods Revisited? The prospects of the BRICS New Development Bank and the Asian Infrastructure Investment Bank // Overseas Development Institute Working Paper. 2015. Apr. № 448. URL: https://cdn.odi.org/media/documents/9615.pdf.

[7] См.: Inter-American Development Bank Report on the Ninth General Increase 2010 // Resources of the Inter-American Development Bank. Washington, D. C. : Board of Governors and Inter-American Development Bank. 2020. Capital Stock and Voting Power. URL: https://www.iadb.org/en/about-us/capital-stock-and-voting-power.

[8] *Sapir J.* Le consensus de Washington et la transition en Russie: histoire d'un échec // Revue Internationale de Sciences Sociales. 2000. № 166, Déc. P. 541–553.

[9] *Beeson M., Zeng J.* The BRICS and Global Governance: China's contradictory role // Third World Quarterly. 2018. № 39 (10). P. 1962–1978.

[10] The BRICS, Global Governance, and Challenges for South-South Cooperation in a Post Western World / N. Duggan, B. Hooijmaaijers, M. Rewizorski [et al.] // International Political Science Review. 2021. Dec. Vol. 43, iss. 4. URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/01925121211052211.